

[i:]

music, honey, notebook

Fig 1

house, spirit, book

curious 84 2007

Fig 2

plane

book, brother, theory, book, forest

book, year, ut,

how, brother

ut, read

Japan

full -
boom - 2
six - 3
there - 4
dine - 5
there - 6

[o:]

example, theory, there, tub

[u]

[e:]

[ou]

[a:]

[a:]

book, year, ut,

book, year, ut,

ut

book

[i:]

ut

ut

ut

ut

ut

ut

ut

Ничья

ФАНТАСТИКА

Художник Е. Силина

А в лодочках, узеньких гребных лодочках, целоваться нужно очень умеючи. Это требует разработанной техники и опыта. И каждому дураку не дадено.

Н.В.Тимофеев-Ресовский. Воспоминания

Никогда не ссорьтесь с умными девицами, поучал сам себя Алекс, молча глядя в оконный экран. Это обидно. Не в том смысле, что жалко расставаться с таким сокровищем — не жалко. Но пока будешь выяснять отношения, наслушаешься такой горькой правды, что без двухсот граммов не уснешь. А двести граммов нельзя, ибо в жилом корпусе, как и в лаборатории, как и везде на станции, найдется кто-нибудь, кто стукнет. Ну не то чтобы стукнет, но случайно заметит при встрече с Доу: мол, у русского Александра проблемы, он вчера водку покупал...

Поэтому нервы надо экономить. Самое лучшее — ничего ей не отвечать. На любое мое слово у нее найдется три, она же будет права, а молчание ее проймет гораздо лучше, чем все, что я как джентльмен могу сказать даме. Пусть говорит и за себя, и за меня. Главное — выдержка.

— ...Нет, ты можешь хотя бы объяснить, что во мне тебя не устраивает?! Может, я чего-то не понимаю?

Чеканная женская логика. Если мне понравилась Наташа, это, конечно, только оттого, что мне разонравилась Зоя. На самом деле все сложнее, но бабам этого не понять. Потом, как объяснить Зое, что меня в ней, Зое, не устраивает? Ну, допустим, я самоубийца. Или фанат откровенности и психотерапии. Что бы я ей тогда сказал?

Зойка, ясное дело, умная девица. Глупых девиц в ММТУ — Лунном филиале Массачусеттского университета — вообще не бывает. В ММТУ все на пятерочку. И городки их космические — не то что какой-нибудь «Луна — Восток». Живем как в четырехзвездочном отеле, у каждого свой бокс класса люкс, постоянная гравитация, душевые и туалеты нормальные, без мешков этих поганых. В холлах — цветы, деревья настоящие, всюду дневной свет, в смысле, не наш белесый, а спектр-идентикал. Оздоровительный центр с бассейном и водяными горками, два ресторана — китайский и итальянский, девять кафе... Ну и, само собой, на те деньги, что после всего этого остались, — лабораторная техника закуплена такая, какую мы даже в каталогах не видим. И компьютеры — глянуть и помереть.

Короче, место престижное. И мы все, понятное дело, — цвет мировой науки. Кого попало сюда не возьмут и тем более не пригласят из братской Украины. Хотел бы я знать, откуда берутся такие киевлянки: вместо гарной чернобровой дивчины приехала рыжая и тощая. По земным меркам — красота на троечку с минусом. Хотя ноги и по земным меркам ничего. Но кто их видит, те ноги? С первого дня как напялила серебристый лабораторный комбез, так из него и не вылезает. Ну да, спецодежда, работаем круглые сутки, и все такое прочее. Но ты же баба, а не робот из техсервиса! И получаешь в своей физхимии, между прочим, побольше моего, знаю я, какие у Спрингфилда ставки! На компакты с музыками и текстами, каждый месяц новые, тебе хватает, а на юбочку и колготочки — нет? Тогда не удивляйся.

— ...Или, может быть, ты старой порнографии обчитался? — Голосок чисто мед. — Там вроде у всех советских мужиков была главная мечта — отыметь американку? Сказал бы раньше, я подала бы на гражданство, ради эротических фантазий бойфренда чего не сделаешь. Кстати, мне шеф предлагает...

Вот именно, и то, что ты язва такая, тоже играет свою роль. Знает ведь, что мне гражданство не светит, что сижу здесь от контракта до контракта,

но надо ей лишний раз напомнить, какая она умная и как ее все ценят.

А дело-то не в том, что Наташа — американка. И даже не в том, что афроамериканка. Хотя и в этом тоже. Лаборатория считается интернациональной, но в плане секса — чистое гетто. Нас, союзников, четверо, Зоя и еще одна тетка из Украины, двое болгар и поляк — девять человек, считай, соотечественники. И что характерно, скрещиваемся строго между собой. Хотя, казалось бы, никто ничего не запрещает, никто нами не брезгует, наоборот, если кто выразит хоть малейший намек на наше происхождение из недоразвитой страны, полетит домой в три секунды. Хамство: все равно что афроамериканца обозвать черным ниггером. Доу на каждом собрании по пять минут всем мозги полощет на тему истинной научной солидарности, преданности не только стране, но в первую очередь науке и учителям, и в самую первую очередь нашему родному ММТУ...

Но это все разговорчики. А на деле — Стас в прошлом месяце чуть было не закрытил с индианкой, да барышня замуж захотела. Хорошо, вовремя сказала. Стас три дня сам не свой ходил. А кабы сделал он ее несчастной, да побежала бы она к Доу... Прощай, Стас, передавай привет в Москве. И совместная публикация с нобелевским лауреатом не спасла бы. А Иринка, она хоть и не королева красоты и характер тот еще, — зато свои проблемы со Стасом решает сама. Без помощи администрации. Вот и выходит, что с нашими дело иметь вернее.

Хотя Наташа, если уж по-честному, тоже из нашей диаспоры. «Наташа» она во всех документах, имя не уменьшительное, а полное: так ее дед назвал, российский эмигрант пятой волны. Какие там еще у барышни были предки, неизвестно, но цвет кожи у нее вроде кофе со сливками. Съедобная ассоциация отнюдь не случайна. Девочка сладкая. Грудь торпедой, талия в рюмочку, попка сердечком. Сама — референт у Ходжа, получает раза в четыре меньше Зои, а одевается в сто раз лучше. Костюмы носит шелковые — вроде строгие, но под ними, однако, все видно: когда лифчик надет черный кружевной, когда белый без верхней половинки, под глубокий вырез, а когда и вовсе не надет. И этот ее тоненький голосочек, когда она в столовой говорила, что у нее «генетическая привязанность к русским»...

Но сперва я никаких планов насчет нее не строил. Не до того, честно говоря. Работы выше крыши. И не совсем понятно: заниматься любовью с референтом непосредственного начальника — это нарушение политкорректности или нет? Но постепенно стало проясняться, что неполиткорректно будет НЕ заняться с Наташей любовью. Ну и вообще, какого черта? В кои-то веки понравился такой девке, и строить из себя дурака? Да еще Зойка сама делает все для того, чтобы со мной поссориться... О, а вот это можно и озвучить.

— Надеюсь, ты понимаешь, что сама делаешь все для того, чтобы мне расхотелось с тобой общаться?

— Я?! — У нее даже дыхание перехватило. — А впрочем, пусть так. Если ты этого хочешь, пусть будет так. Не терпится умотать к этой черной, да?

А теперь пора вступиться за честь дамы.

— Плохо говоришь. За такие слова отсюда вышибают, и правильно делают. И ты это знаешь.

— Да? Хочешь настучать на меня Доу?

— Достаточно, Зоя. — (Ну вот, наконец-то доссорились.) — Ты меня хотела обидеть, и тебе это удалось. Я могу уходить?

— Можешь. И раньше мог, я тебя не держала... Нет, погоди, еще кое-что тебе расскажу.

— Я весь внимание.

Зоя встала, подбоченясь одной рукой. Жест этот ей не идет — локти слишком острые. Зато стройная. И ноги, ничего не скажешь, длинные. А вот груди почти нет.

— Знаешь, о чем я думала, до того как тебя с ней застала? Думала, как мы с тобой вместе полетим на Эндимион. Я бы договорилась, меня бы тоже туда командировали. Взяли бы билеты на один рейс. Каютки там одноместные, и всю дорогу невесомость. Там можно делать все, что угодно.

Ее огненно-красные волосы разметались и всплыли русалочьими косами... Они плавали в каюте, нежась, переговариваясь, ласково касаясь друг друга.

Альфред Бестер. Тигр! Тигр!

Она поглядела на меня из-под опущенных рыжих ресниц. Зойка так умеет смотреть, как женщины не смотрят. Как будто уже видит все, что произойдет и что может произойти. И даже кое-что заранее чувствует. Хотя обстановочка совсем не благоприятствовала...

— Все, что угодно. Тебе такое и во сне не приснится. Вот этого ты лишился. А теперь уходи.

— В этом виноват не только я, Зой, — подчеркнуто мягко сказал я. — Прости, если что не так. До свидания.

— Это ты лишилась, — пробурчал я себе под нос, выйдя в коридор. Если бы Зойка способна была видеть на шаг дальше, она сообразила бы простую вещь. В командировку на Эндимион, в лабораторию Джонсона из Гарварда, мы летим вместе с начальником. А начальник, сами понимаете, — не без референта.

Флора — это такая девушка... Знаете, у нее в квартире марсианская гравитация — 0,4 земной. Конечно, аппаратура для нейтрализации псевдогравитационного поля Марсопорта стоит недешево, но, если вам приходилось обнимать девушку при 0,4 g, вы меня поймете. А если не приходилось — не поймете, как бы я ни объяснял. Это все равно что рассуждать о плавании в облаках.

Айзек Азимов. Я в Марсопорте без Хильды

— Ты такая красивая. Я тебя люблю.

— И я тебя тоже.

— Так ты согласна?

— Конечно. Разве ты не видишь?

— Тогда давай сделаем это в полете.

— Где-е?!

— Я хотел сказать, на катере. Пока будем лететь на Эндимион.

— Как, разве это можно?!

— Все, что не запрещено, то разрешено. У вас же свободная страна или нет?

— Да, конечно. Но как мы это сделаем?

— Просто. Там у каждого будет своя каюта. После того как все займут места, ты придешь ко мне.

— Ой. А если кто-нибудь меня увидит?

— Да кому какое дело! Ходила умыться и ошиблась дверью... Да там еще лучше, чем здесь! Никто ни о чем не узнает, это я тебе говорю.

— Ой, нет, нет, я так не могу.

— О'кей, а если я приду к тебе?

— Если ты ко мне... Ну хорошо, приходи. Я буду очень, очень ждать!

Заселившие комнату одежды просвечивали, как медузы в толще вод; посреди спальни, в метре от пола, бился в судорогах человеческий клубок... Светильник заливал бронзой пульсирующие тела, выхватывая из полутьмы то рельефно напряженную спину, то гладкое женское бедро, то стиснутые на чужом плече пальцы; двухголовое существо плавно поворачивалось над полом, и на полу ворочалась тень — огромный осьминог.

Марина и Сергей Дяченко. Корни камня

From: Alexander Axenov
To: Stanislav Golubev
Subject: Nich'ya

Радуйся, считай, что ничья. Хотя, по правде, я выиграл. Я ее уговорил. Но получилось не так... Короче, самое главное: ты мне должен две бутылки, если ты мне друг. Одну за проигрыш и одну как лекарство. За моральную травму.

Прикинь, Натали моя опоздала, явилась к самому стар-ту, и в платье. Легоньком таком и с широкой юбкой. Догадайся, какая вышла картинка, когда мы отчалили, стюардессы раздали всем магнитки и начали учить на них ходить?! Там сортиры в корме, а лететь ночь, так что это обязательно. Но америкосы, конечно, и в страшном сне не видели, как на наших станциях технику безопасности сдают. Помнишь дядю Вову, как он нас заставлял стакан чая по капле собирать и на карандаше сто раз подтягиваться? А потом показывал, что бывает с тем, кто быстро встает или с размаху садится... Я вообще-то невесомость хорошо переносу. Не тошнит, не мутит, наоборот, такой легкий кайф, будто слегка под газом.

Короче, про Наташу. Идет это она, идет, потом ножку плохо поставит (совершенно нечаянно, сам понимаешь) — оторвется, повиснет на перильцах... (Там не такие тросы, как у нас, а вроде автомобильного ремня: медленно потянешь — вытягивается, а рванешь — фиксируется.) Потом спустилась, а подол еще плавает, дюйм до полного разврата, полдюйма до полного разврата... Она его руками опускает, а он не опускается! С нами летел пресс-секретарь, тот, что лысый, в университетской майке всегда ходит — у него к Джонсону тоже какие-то дела. Так он все глаза проглядел. И остальные не зевали. А Ходж головой покачивал и губы поджимал. Я ей потихоньку говорю: что ты не оделась более соответственно, а она мне пищит: ой, я так сожалею, я не подумала про невесомость. Фига с два — не подумала она. Я дожидаться не мог, когда это шоу закончится.

Наконец все расползлись по каютам. Каюты маленькие, всей мебели — койка, ящик для одежды и стенной шкаф для багажа. Я выждал, сколько силы хватило, потом опять надел магнитки и пошел к Наташе.

Марджори дергается, и мы, как два сплетенных удава, взмываем к потолку над ковром и, медленно кувyrкаясь в полете, дрейфуем вниз. Дайте мне точку опоры! Землю не сдвину, но сдвинусь сам, умом, и ничуть не пожалею об утраченном рассудке.

Александр Громов. Тысяча и один день

Она меня честно пустила. До моего прихода сама раз-делась и нарядилась в этакий халатик... Ну, я ей доход-чиво объясняю, что в предварительных ласках не нужда-

ФАНТАСТИКА

юсь и что всю необходимую прелюдию она для меня уст-роила в коридоре, раздеваюсь и приступаю...

Главное, про невесомость эту долбаную совершенно забыл! Если бы ты увидел, что у нее спереди и сзади, ты бы тоже забыл. Короче, я даже сообразить ничего не успел. Подбросило меня над койкой, перевернуло, уда-рило задом об стену, а может, об потолок. Но навер-ное, все-таки об стену, потому что я улетел в середину каюты. И там завис. Прикинь, барахтаюсь в метре от нее вниз головой, причем, сам понимаешь, голый, но-гами-руками гребу, хочу перевернуться — ничего не выходит... а она на меня с койки смотрит и глазами хлоп-пает. Конечно, удивилась барышня, понять ее можно. Потом подала мне руку. Я ее предупредил, чтобы дру-гой рукой держалась за койку. Хорошо, что вспомнил, а то бы плавали бы мы там вдвоем до самой посадки. Пока стюардесса не зайдет.

Ну, посмеялись мы с ней, а я тем временем сообра-жаю, как быть дальше. Невесомость, она, конечно, не-весомостью... Но КАК?!

Секс в одной шестой g тоже хорош, но в нулевом g он просто совсем иной. Никто не может находиться сверху. Это должны быть совместные усилия, иначе ничего не получится.

С. и Д. Робинсоны. Звездный танец

Что в стандартной позе не получится, это я понял. Мож-но, конечно, пристегнуться страховочным ремнем, благо он длинный. Но ремень-то меня швырнет с той же силой в другую сторону, в смысле на Наташу. Как дядя Вова говорил, сдуру кое-чего и сломать недолго. Еще вариан-ты, господин магистр?

Стал я вспоминать, чему еще нас дядя Вова учил. Кон-кретно этому делу он нас, понятно, не учил, но хоть что-то полезное припомнить бы... Изменять положение тела в невесомости можно с помощью любого предмета, ко-торый не является частью тела, — это ясно, а вот как перемещаться? Если мы голые, но вдвоем?... К приме-ру, я буду по ней руками перебирать, как по дереву, и вниз лезть... А потом она по мне... Нет, что-то тут не то. Может не получится.

С отчаяния принялся вспоминать, что в книжках читал про секс в невесомости, кроме парения там и плавания в облаках и всех прочих красотостей. В одной, напри-мер, мальчишка заходит к отцу, а отец гравитацию от-ключил и с подружкой парит в воздухе... А дальше пацан убежал. И ничего не сказано, как те двое на пол спуска-лись. И еще, между прочим, неясно: как само это, э-э... действие производить в свободном полете? Если я от одного толчка полетел через всю каюту... Ведь вертеть-ся будем, как мельница. Вокруг поперечной оси. Нога-ми углы сшибать, и хорошо, если только ногами... Раз-ве что она будет двигаться мне навстречу, и оба мы

ФАНТАСТИКА

станем работать строго синхронно, инерцию гасить... Короче, бывальными межпланетниками надо быть. Обоим. И лестницу веревочную иметь под боком.

Может быть, вы скажете: так это и есть решение задачи? Забыть о тяготении, о верхе и низе, забыть обо всем? Не думать о постели, о мебели, о поле и потолке, сцепиться руками и ногами и заниматься этим самым в воздухе? Можете говорить, что хотите... Мы все испробовали, сэр, уверяю вас. Но заниматься любовью в свободном пространстве, вращаясь вокруг собственного центра тяжести, — вы даже не представляете, что это такое!.. Если мы держались за руки, разлетались ноги. Если ноги не разлетались, бедра куда-то проваливались, словно в пуховую перину. И даже если все было вроде на месте, то вокруг мелькали стены, мебель, светильники, и у нас до тошноты кружилась голова... Мой приятель, главный механик, присоветовал мне лишь одно: чтобы я пользовался реактивным пистолетом. Все дело в координации, говорил он мне. Я и это испробовал, но ни разу не смог добиться нужной координации.

Пьер Буль. Любовь и невесомость

Я все это прикинул в темпе — долго-то думать, сам понимаешь, недосуг было, девушка могла неправильно понять. Значит, решил я плюнуть на экзотику Глубокого Космоса. Встаю с ней перед койкой, обнимаю сзади и нежно нагибаю... Думаешь, снова задницей об стену треснулся? Ошибаешься. Об пол. Я ведь магнитки надел, не будь дурак, чтобы опять не улететь. Еще и подскочил пару раз, как резиновый. Наташа устояла, она за койку ухватилась. Но вижу, девушка начинает нервничать, надо срочно придумать что-то беспроектное.

Умная мысль приходит... знаешь когда. Теперь-то я сообразил, что надо было нам лечь на койку на бок, носами к стенке, а для безопасности все-таки застегнуть ремень. Гордость меня подвела. Но ты сам подумай: в первый раз, и в этой дурацкой позе, медленно и печально. Решил это оставить на потом. Да, я кретин. Сам знаю.

Говорю ей: давай ты будешь сверху, а я буду тебя за ноги держать. Она ойкнула, но согласилась. И ведь все у нас получилось! Стас, бутылку, по справедливости, ты мне должен. Все было: мы с Наташей занялись любовью, получили удовольствие, только я... Ну, вообрази: она вверх-вниз, губку закусила, а груди не прыгают, а плавно так, упруго колеблются. И сами по себе они у нее круглые и большие, а в отсутствие силы тяжести... В общем, я думал одной рукой потрогать, да как-то, сам не знаю как, отпустил и вторую...

Сыграла у меня Натали от трех бортов в середину. Головой об стену, попкой об другую и головой об потолок. И зависла в центре комнаты, как я в первый раз,

только вниз ногами. А меня на хохот пробило! Пытаюсь выговорить: айм со-со-сорри, и не могу — ржу как больной. Нервы не выдержали.

Наташа, конечно... Первые полминуты только ахала и взвизгивала, а потом... Таких слов я и от наших девчонок никогда не слышал, не то что от американки. Хорошо ее русский дедушка учил. Надел магнитки, дотянулся до нее кое-как, стащил на койку — тут же получил по морде. Что и заслужил, честно говоря. Она здорово ушиблась. А вот одежду она мне в физиономию зря швырнула. Труссы мои мы с ней вместе ловили, едва поймали. Но и это нас не сблизило. Пришлось одеваться и уходить. Вот сижу, пишу тебе — хоть немного душу отвел. Скоро к Джонсону идти, представляться, слова умные говорить, и Наташа там же будет... Эх, черт. Как это ты говорил: всякая тварь после соитья бывает печальна, а без соитья сердита... А когда и после, и без? Короче, полный порногеддон.

Правы мудрые люди: лучше традиционного секса ничего еще не придумали. А невесомость и прочее в таком духе — это все от лукавого. Нашему человеку оно не надо.

WBR

Александр.

Трудности и прелести секса в космосе сильно преувеличены.

Артур Кларк. Космическая одиссея

From: Zoe N.Volodina
To: Alexander Axenov
Subject: *;-p

Привет, Алекс.

Ну и как тебе взвешенное наслаждение? Я ведь знала, что ты не удержишься. Надеюсь, вы ничего себе не сломали.

Без уважения

ЗВ.

From: Alexander Axenov
To: Stanislav Golubev
Subject: Johnson — devushka!

Пан Станислав! Скажи-ка мне: Зойка разве летала на Эндимион? И если да, то с кем?

Чтоб ты знал: Джоан Джонсон — не мужик, а девушка. Не переживай, я в твоей записке обращение исправил. Кстате, Джоан окончила Гарвард в один год со мной. Давай еще раз на бутылку замажем?

WBR

Александр.

Невесомости тут нет.